

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И75

Иллюстрация на переплете художницы *Iren Horrors*

Иллюстрации внутри Amarga

Иорданская, Дарья Алексеевна.

И75 Погасни свет, долой навек / Дарья Иорданская. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199494-5

Следы босых ног в гардеробной — вот всё, что осталось после исчезновения Лауры Гамильтон и маленького Джеймса. Лорд Гамильтон уверен: в похищении его жены и наследника виноваты потусторонние силы. За помощью он обращается к младшему брату Демиану, эксцентричному чернокнижнику, и гувернантке сына Элинор Кармайкл, которая способна видеть призраков. Но фамильный особняк Гамильтонов и мрачные улицы Лондона хранят слишком много секретов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199494-5

© Иорданская Д.А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Мы живем на тихом острове невежества посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не следует плавать на далекие расстояния.

Г. Ф. Лавкрафт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Надежда, питавшая Грегори первые несколько дней, иссякла. В это утро, туманное и необыкновенно холодное для конца августа, он наконец-то признался себе, что Лаура не вернется.

Еще вчера он ждал, что откроется дверь в кабинет, как обычно с негромким скрипом, и Лаура покажется на пороге: румяная после прогулки на свежем воздухе, в криво сидящей на светлых кудрях шляпке, с кипой листовок в руках. Она впорхнет в комнату, сядет в кресло, старательно сохраняя серьезность, и примется рассказывать о новом своем начинании, которое требует усилий, внимания Грегори и, конечно же, денег. И Грегори все это ей даст, пусть и не в равных пропорциях. Лаура всегда полна идей, и он их примет, будь то приют для собак или для падших женщин, или участие в реформе сиротских домов, или же спиритизм, которым она увлеклась совсем недавно. Примет и оплатит, даже не пытаясь понять.

Во все это верилось вчера, но сегодня за утренним кофе Грегори накрыло наконец ощущение катастрофы. Жена бросила его. Бежала, забрав их сына, для того, должно быть, чтобы не участвовать в утомительных тяжбах с немалым риском потерять его. Грегори перебирал в памяти все то, что могло бы послужить причиной столь поспешного бегства, и не находил. Да, между ним и Лаурой не было любви, не

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

было и особого взаимопонимания, а порой казалось — ни следа какой-либо привязанности. Их соединили случай и его глупое мальчишеское желание поступить наперекор матери. Но, несмотря на все это, брак был удачным, и в голову не приходило, что же могло заставить Лауру покинуть дом с одним только небольшим чемоданом. И куда она могла пойти?

Родных у нее не было; о друзьях же она мужу никогда не рассказывала, если не брать в расчет тех светских дам, чьи салоны порой посещала. Куда она, глупышка, могла поехать?

Следует ли обратиться в полицию?

Днями осторожно, стараясь не привлекать к этой истории лишнего внимания, Грегори навел справки в округе. Однако ни констебли — их на улицах тихого, недешевого предместья, где селились весьма уважаемые люди, было немало, — ни зеленщики, ни лудильщики, ни няни, которые с колясками прогуливались ежедневно вдоль улицы от церкви до парка, никто из этих людей не видел Лауру. И никто из горничных не мог с уверенностью сказать, когда она ушла. Стоило бы еще расспросить соседей, среди них были и те, кто, мучаясь от безделья, дни напролет проводит в гостиной возле окна. Однако — сплетни. Грегори не желал сплетен, их он старался избегать еще больше, чем пристального внимания полиции, весьма унижительного. К тому же сплетен о его семье и так уже было предостаточно.

В дверь робко постучали, и этот звук заставил Грегори досадливо поморщиться. Он сбил его с мысли, а их и без того сегодня удержать было непросто. Впрочем, думать о полиции было неприятно, как и о сплетнях, которые даже при самом осторожном расследовании расползутся по Лондону. Становиться посмешищем для всего города Грегори не хотелось вне зависимости от того, сбежала ли Лаура одна или с любовником.

ПОГАСНИ СВЕТ, ДОЛОЙ НАВЕК

— Войдите, — бросил он, складывая газету.

В кабинет прошмыгнула мисс Кармайкл, гувернантка Джеймса, скучная молодая женщина, вся коричневая от мысков практичных, изрядно поношенных ботинок и до аккуратно зачесанных волос. Присев в реверансе, она замерла, сложив руки на животе. Молча. Грегори не часто доводилось слышать голос гувернантки, лишь изредка, проходя мимо классной комнаты, он ловил обрывки читаемых ею уроков. И она никогда не заговаривала первой, даже если ей было что-то нужно, и тем раздражала Грегори. Он предпочитал иметь дело с людьми более решительными и чуть более прямолинейными.

— Я вас слушаю, мисс Кармайкл, — вздохнул он.

Гувернантка потерела единственное свое украшение — дешевый шатлен с ключами и какими-то дамскими безделушками.

— Простите меня, мистер Гамильтон, — сказала она наконец. — Я не хотела.

— Что вы не хотели, мисс Кармайкл? — устало уточнил Грегори. Досада брала при мысли, что придется сейчас тянуть из нее слова клещами по одному. Хотелось выругаться, но не ровен час мисс Кармайкл, дочка викария, заслышав божбу, упадет без чувств.

— Я не хотела заходить в комнату миссис Гамильтон, — тихо отозвалась Элинора. — Но дверь была открыта. И там... Думаю, вам нужно взглянуть на это.

Грегори вскинул брови. Он не мог даже вообразить, что такого увидела в комнате Лауры гувернантка. Таракана? Сам он не мог припомнить ровным счетом ничего интересного, комната как комната. Он лично заказал мебель, светлую и изящную, которая разительно отличалась от обстановки замка, а Лаура заполнила столики,

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

горки, секретеры и полочки множеством искрящихся безделушек. Ее всегда было легко порадовать, стоило только подарить что-нибудь яркое, блестящее и красивое, вроде фарфоровой пастушки или композиции из цветов, раковин и перьев. Со временем в комнате у Лауры скопилась целая коллекция подобного барахла (Грегори отказывался подбирать иные слова), и там, в окружении всей этой «красоты», начинала болеть голова.

— Пожалуйста, мистер Гамильтон, вы должны взглянуть, — повторила гувернантка чуть тверже.

Она умела быть убедительной — это, надо полагать, необходимо при ее профессии — и обычно непоседливый Джеймс всегда ее слушался. Грегори давно уже вышел из нежного возраста, но и на него невольно подействовал тон молодой женщины. С новым вздохом он отложил недочитанную газету и поднялся.

— Идемте.

В доме, несмотря на час, было неприятно тихо. Обычно в разгар дня слышны были шаги, скрип половиц, стук дверей, отдаленные, чуть приглушенные голоса. Сегодня же из-за довлеющей неживой тишины казалось, что в одной из комнат лежит мертвец, чей покой бояться потревожить. Это навевало неожиданно яркие, хотя прошло уже много лет, воспоминания, и во рту появлялась горечь. Особенно ярким это ощущение стало возле комнаты Лауры. Грегори даже почудился запах кипариса, давленных рябиновых ягод и свечного воска, помнится, пропитавший стены замка. Он положил руку на дверную ручку и замер, пораженный внезапным нежеланием открывать.

«Глупости, — отругал себя Грегори. — Это всего лишь комната, безвкусно обставленная женская комната».

ПОГАСНИ СВЕТ, ДОЛОЙ НАВЕК

И это действительно была всего лишь комната, хорошо ему знакомая, ничуть не изменившаяся. Все было так, как оставила, уходя, Лаура: небольшой беспорядок, брошенная на кресло накидка, шляпная булавка на полу. Лаура всегда была немного неряшлива. Грегори обернулся, готовый обругать бестолковую гувернантку, и наткнулся на спокойный взгляд светло-карих глаз.

— Это в гардеробной, мистер Гамильтон. Вам действительно нужно на это взглянуть.

Досадливо покачав головой, Грегори все же сделал два шага — комната была невелика, Лаура сама настояла на этом — и открыл дверь в гардеробную. Скрипнули петли. В комнатке было темно, и тяжело, сладко пахло духами; от запаха этого немного кружилась голова. Грегори чихнул.

— Лампа, мистер Гамильтон. — Гувернантка чиркнула огнивом, зажгла фитиль и поднесла масляную лампу к дверям. — Взгляните на это. На пол.

Грегори опустил взгляд. Рука, повлажневшая от пота, соскользнула с полированной дверной ручки.

— Дайте мне лампу! — отрывисто приказал Грегори. — И уйдите.

Гувернантка, послушная — вот ее лучшее качество — передала лампу и вышла, негромко шелестя платьем. Спустя минуту ее шаги раздались в коридоре, затем стихли, стих последний звук, остался только суматошный, неестественно громкий стук сердца. Грегори выдохнул и плечом привалился к стене, глядя на пятно на полу.

Оно имело форму человеческого следа, точно пара ног — босых, весьма изящных, с маленькими пальчиками и аккуратной округлой пяткой — стояли рядом, чуть разведя мыски. Жар, источаемый этими ножками, был так велик, что прожег старинный дубовый паркет на дюйм

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

с лишним. Поставив лампу на стопку шляпных коробок, Грегори опустился на одно колено и провел пальцами по краям следа. Тепло все еще ощущалось.

Как давно это здесь?

Лауры нет четыре с половиной дня. Случалось ей отсутствовать и дольше, и не будь с ней сына, Грегори бы не слишком волновался. Жена его, как кошка, всегда возвращалась. В день, когда обнаружилось отсутствие Лауры, он заглянул в спальню, убедился, что пропал только небольшой саквояж, обычно стоявший на столике у окна, и положился на слова горничной, что миссис Гамильтон взяла только пару летних платьев. Все, как она делала обычно, «отправляясь на воды», — привычная отговорка для слуг. Все в доме знали, что нервы миссис Гамильтон нуждаются в постоянном лечении, и об этом, к немалой досаде Грегори, начала судачить прислуга и в соседних домах.

Что, если этот след был здесь, в гардеробной, еще четыре дня назад?

Грегори поднялся, потушил лампу и вышел стремительным шагом из комнаты. Бетси, личная горничная Лауры, в отсутствие хозяйки дремала в своей комнатке — по соседству. У ног ее стояла корзинка с рукоделием, но, кажется, в вышивке и починке кружева Бетси не продвинулась ни на шаг. Грегори разбудил ее, потормошив за плечо, и горничная испуганно распахнула глаза. Они были огромные, ярко-голубые, и девица не стеснялась пускать это оружие в дело. Грегори, по счастью, был невосприимчив и к прелестям таких простушек, и к лишним соблазнам. Уж точно не в собственном доме. Однако он дал себе зарок, правда уже не в первый раз, что, когда Лаура вернется, он потребует дать Бетси — и паре других горничных, дурочек и сплетниц, — расчет.

ПОГАСНИ СВЕТ, ДОЛОЙ НАВЕК

Бетси покорно пошла за ним, украдкой шмыгая носом, подобрала по дороге шляпную булавку, разглядила несуществующие складки на покрывале и только потом заглянула в гардеробную.

— Это пятно, оно уже было в день, когда твоя хозяйка ушла? — спросил Грегори, зажигая лампу и поднимая ее повыше.

Бетси, вытягивая шею, изучила пол и кивнула.

— Было, сэр. Должно быть, Сьюзан уронила грелку.

— Грелку? — Грегори посмотрел на отпечаток ног.

— Да, сэр. — Бетси присела в быстром реверансе. — Ночь накануне была холодная, и миссис послала нас за грелкой. Потом я занялась платьями миссис, а Сьюзан... Она такая неловкая, сэр, она вполне могла уронить грелку и испортить паркет.

Грегори рассеянно кивнул, взмахом руки отослал горничную и снова опустился возле пятна на колено. Грелка... Бетси не видела в пятне ничего необычного, хотя нельзя было сказать, будто она начисто лишена воображения. Пожалуй, даже наоборот — девица была склонна выдумывать всякие глупости. Грегори то и дело приходилось выслушивать о стуках на чердаке, призраке, облюбовавшем подвал, или о домовом, ворующем у девушек булавки и иглы. Все это были выдумки, кому, как не Грегори, знать, что домового в доме точно нет. Брауни недолюбливали семью Гамильтон, и, несмотря на все старания матери, кажется, так и не удалось завлечь в город ни одного, да и в замке они жили скорее по привычке, не желая менять место. Грегори вновь провел пальцами по краям пятна, по удивительно четкому контуру изящных ступней. Говорят, Дьявол может оставить след своего раздвоенного копыта, но есть в мире вещи и пострашнее. Например, след человеческой ноги там, где его быть не должно.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

Грегори запер дверь в гардеробную, затем в спальню, повернув ключ на три оборота, дабы быть уверенным, что больше никакая любопытная гувернантка не сунет свой нос в чужие дела. Затем он спустился в кабинет и написал короткий текст телеграммы.

Прибегать к помощи матери не хотелось. Хотя прошло уже десять лет, она никак не желала сменять гнев на милость и прощать Грегори за то, что он вмешался. Она ненавидела, когда кто-либо нарушает малейшую деталь в ее планах, а больше всего, как подозревал Грегори, она досадовала, что утратила свою власть. На секунду Грегори прикрыл глаза, припоминая то, что предпочел бы навсегда вытравить из своей памяти. Полированный гроб из кипариса, запах трав, ягод, ладана и свечного воска и неподвижное тело на белом шелке. Много лет прошло с их последней встречи, но Грегори сразу узнал то повзрослевшее непостижимым образом лицо.

Пришлось тряхнуть головой, изгоняя видения. Да, мать злится, но, в конце концов, она придет на помощь, ведь речь о ее внуке. И она даст совет, а уж Грегори решит, стоит ли ему следовать.

Остаток дня Грегори провел в клубе, создавая старательно видимость того, что ничего необычного не происходит в его жизни. Его жена не исчезла в очередной раз. Его паркет не испорчен следами огненных ног. Его гувернантка не видит то, что недоступно суеверным горничным. Грегори поужинал — карри в клубе было отвратительное, зато подали сносную телятину с грибным соусом, — сыграл в карты, проиграв пару фунтов, обсудил последние политические сплетни и выпил по стакану бренди в компании командера Коркорана. Эти последние двадцать минут были лучшими за весь вечер, потому что отставной командер был, по

ПОГАСНИ СВЕТ, ДОЛОЙ НАВЕК

своему обыкновению, молчалив и спокоен, не разносил сплетни, не лез с непрошеными советами, не проявлял неуместное любопытство. Можно было просто сидеть, смотреть сквозь стакан на пламя в камине — несмотря на август, в клубе всегда было холодно и сыро — и изредка перебрасываться ничего не значащими фразами о погоде, регби и международной политике.

Дома Грегори ждала телеграмма из замка. Миссис Гамильтон три дня тому назад уехала, не оставив ни адреса, ни дня, когда она вернется. Однако, сообщил МакБрайд, управляющий, миссис Гамильтон взяла средний кофр и два портплекда, из чего можно предположить, что вернется она не раньше октября.

Грегори скомкал телеграмму и бросил ее в пепельницу.

Спал он в эту ночь плохо. То и дело что-то мерещилось на грани сна и яви, Грегори просыпался, как от толчка, и начинал прислушиваться. Сквозь неплотно прикрытые ставни доносились обычные звуки города, привычный шум, гул, далекий звон, размеренный голос ночного дежурного, а иногда — свистки. Район был респектабельный, тихий, и потому все эти шумы и голоса шли издалека, из какой-то другой жизни. Чужие были звуки, едва знакомые, но измученное сознание Грегори придавало им иной, зловещий смысл.

Где-то далеко-далеко часы отбили три утра.

Мать придавала этому времени большое значение. «Люди ошибочно полагают, что самое опасное время — полночь, — говорила Катриона Гамильтон. — И как же они неправы. Все самое страшное происходит около трех часов, когда до рассвета остается совсем немного времени. Именно тогда и вершится самое сильное колдовство». Мать знала толк в страшных вещах, и в колдовстве тоже,

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

и как бы ни хотел Грегори спрятаться от своего прошлого, сейчас чары пробрались если не в его дом, то в его сны.

Он поднялся, когда отзвучал долгий, протяжный гул, точно оставленный часами след. С минуту потратил на то, чтобы отыскать под кроватью тапочки. Поймал себя на том, что спускает ноги на ковер с большой неохотой, словно под кроватью может затаиться чудовище. Усмехнулся. Грегори и в детстве не верил, что монстры живут под кроватью, под лестницей или в старом чулане. В детстве он прекрасно знал, где именно они обитают.

Лампу Грегори зажигать не стал, пошел на ощупь, тем более что требовалось сделать не больше дюжины шагов, чтобы оказаться возле комнаты Лауры. Дверь оказалась не заперта, хотя он прекрасно помнил, как трижды повернул ключ в замке. Грегори замешкался на пороге, потом шагнул и, чуть сощурившись, искоса, как учила когда-то мать, оглядел комнату. Все казалось совершенно нормальным, обыденным, в чем-то даже скучным. Еще пара шагов, и Грегори открыл дверь гардеробной. Посмотрел на след. Сейчас, ночью, в самый глухой и страшный час, след вдруг ожил *особенным образом*. Он мерцал. Не требовалось тайных знаний, чтобы понять, что оставил его не человек, и оставил неспроста. Что это? Предупреждение? Угроза? Или же просто некто случайно наступил раскаленными самой преисподней ногами на паркет и прожег его на дюйм?

Грегори не верил в Дьявола и в Ад, но в мире хватало и других существ, способных украсть человека, заморочить, завлечь на темную, опасную дорогу, оставить такой след. Когда Грегори был моложе, ему случалось сталкиваться с подобными созданиями, и он знал в те годы, как следует поступить. Но годы шли, и он старался держаться от опасностей теневого мира подальше. Он покинул за-

ПОГАСНИ СВЕТ, ДОЛОЙ НАВЕК

мок навсегда, свел к минимуму свои встречи с матерью и приложил немало усилий, чтобы оградить Джеймса, последнего из Гамильтонов, от зловещей родовой тени. Грегори сделал все, чтобы сверхъестественное, колдовское, иномирное не касалось его даже краешком своей тени, и жил в Лондоне простой человеческой жизнью, будто и не было в его роду чернокнижников и ведьм, будто и не привлекали в замке темные силы. И вот теперь, когда ему требовалось знание, Грегори обнаружил, что голова пуста, а во рту – горечь. Он не представлял, как поступить.

Друзей, знающихся с Тенями и Силами, у Грегори давно уже не было. Он еще в студенческие годы разорвал с ними любые отношения, а в последние десять лет утратил всякие связи и не сумел бы, пожалуй, разыскать никого из прежних приятелей. Мать исчезла, уехала в неизвестном направлении, и если адреса не знает МакБрайд, то его не узнает никто. Лондонские спиритуалисты, медиумы и маги, объявлениями которых пестрят газеты, все сплошь шарлатаны и лгуны, а их сеансы ничуть не достовернее ярмарочных фокусов.

Оставался только один способ, хоть Грегори и не хотелось к нему прибегать. Он сделал глубокий вдох, надеясь таким образом собраться с мыслями, подошел к окну и распахнул обе створки. В комнату скользнул желтоватый лондонский туман, пахнувший тиной и полный угольной пыли. Три капли крови из проколотого булавкой пальца упали в этот туман, на мгновение окрасив его алым, и пропали.

– Дамиан! – крикнул Грегори в темноту. – Мне нужна твоя помощь! Приди!

Его слова подхватил внезапный порыв ветра и унес прочь, в предрассветную темноту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элино́р привыкла подниматься рано, даже летом — с первыми лучами солнца. Легкий завтрак, чашка чая и кусок хлеба с маслом, и небольшая прогулка помогли ей скоротать время до того момента, когда проснется ее подопечный. На прежнем месте в обязанности Элино́р входило также будить, умывать и одевать детей, пару капризных маленьких чертенят. В доме мистера и миссис Гамильтонов, и это можно было считать величайшей удачей ее жизни, за этим следила специально приставленная к Джеймсу горничная. Элино́р не приходилось по утрам и вечерам сражаться с юным мистером Гамильтоном, который отличался большой непоседливостью и упрямством. Иногда бедной Джинни, горничной, требовалось не меньше получаса, чтобы втиснуть мальчика в костюмчик, и, уж конечно, он недолго оставался чистым и аккуратным. Но то была не забота Элино́р. Ее работа начиналась в девять, когда, позавтракав в детской, Джеймс поднимался в классную комнату и начинались занятия. Мальчика требовалось наилучшим образом подготовить к школе, и Элино́р старалась изо всех сил. Она действительно считала нынешнее свое место работы маленьким раем.

Честно говоря, в сравнении с прежними так оно и было.